

Владимир Степаненко
Тост за мир

Последнюю неделю я с утра до ночи как проклятый сидел в интернете. На работу ехал, в телефон уставившись. В кабинете новости смотрел. Домой возвращался и сразу компьютер включал. На вопросы жены и дочери отвечал сбивчиво, путано, а иногда и не слышал, не понимал, о чем меня спрашивают, чего добиваются. Хотя вопросы звучали простые, самые обычные.

Быстро подхватывался из-за обеденного стола, благодарил и спешил к монитору, чтобы следить, не пропустить. Спросите, что было на обед, — не отвечу. Зато я знал, что сказал тот или иной политолог, премьер, сенатор, министр, что написал на странице своего Фейсбука или Твиттера известный политик. О чем думает в данный момент знаменитый писатель, артист, аналитик... Смотрел и слушал священников всех конфессий. Людей военных и гражданских. Многие, и пару дней не проходило, от своих слов отказывались. Звучали предупреждения, проводились аналогии с Сирией, Ливией, Германией. Показывали корабли и самолеты, ракеты и атомные подводные лодки..

Я смотрел в монитор, щелкал клавишами, злился, и сердце колотилось так, будто я на двенадцатый этаж затащил неподъемный шкаф. Самыми главными словами в эти дни стали два. Первое — теплое — «Украина», а второе — горячее — «война»..

Когда война где-то далеко, то это — далеко. Смысл происходящего, ясное дело, от расстояния не меняется. Война — она и в Африке война. Стреляют, бомбят, взрывают, убивают... Дети и взрослые плачут, бегут, кричат, голосят, дома горят, есть нечего... Но это далеко, а потому и не очень страшно. Да и люди там воюют, что душой кривить, мне незнакомые, чужие. А Украина совсем близко, и Крым рядом. Совсем рядом. Много раз там был. Даже запахи помню. Там друзья, родственники, однофамильцы, знакомые. Там черешня, абрикосы и грецкие орехи во дворе дома в поселке под Харьковом...

Когда служил срочную, а это 1983 — 1985 годы, со мной в одной бригаде, в одной роте служили украинцы и русские. Бригада наша стояла в Москве, в двух трамвайных остановках от ВДНХ, и охраняла город от пожаров. Осталось на удивление много фотографий. Кто-то раньше демобилизовался, кто-то — позже. Сергей Дорошенко в 1986-м прислал приглашение на свадьбу в Чернигов. И Павлик Кузьмин приглашал погулять в Калугу. А Сашка Иванов в Киев звал, а к Женьке Конаховскому я много раз после службы в Москву сам ездил, у него двое сыновей-погодков... Повара Толика Узкого вспомнил, Колю Суржика, Юру Вяткина... Мы курили, передавая дешевую сигарету друг другу, хохотали как бешеные, слушая, как Толик Палий рассказывает про свою дивчину, про ее гарны очи. Он старался говорить по-русски, но стоило разволноваться — переходил на мову.

Не хотелось думать, но думалось, что там, в Украине, сейчас младший сын Толика Палия может выстрелить в младшего сына москвича Юрки Вяткина или Жени Конаховского... Меня начинало мутить от таких мыслей, от картин, возникающих перед глазами. Ведь дети почти всегда похожи на своих отцов. Те же глаза, волосы, привычки... Даже сигарету дети часто держат так же, как отец. И фамилии сыновьям всегда достаются отцовские. Палий, Дорошенко, Узкий, Буряк, Гунько, Суржик... Вяткин, Конаховский, Буров, Иванов, Семенов, Яковлев, Сеницын, Козлов...

Жуткая и нервная неделя. Отпустило только во вторник. Понял — войны не будет. Весной в городе робко запахло. Мужчину с огромным букетом мимозы увидел. Он даже не шел, а бежал, летел, а в руках, как желтый огонь, цветы. Может, не отрываясь от

монитора, и он за новостями следил, комментарии писал. И ему стало легче. Вот цветов купил, любимых поздравить, тех, кто ему дорог.

Честно скажу, что мне даже выпить захотелось. За своих украинских друзей, за их детей. За друзей из России и за их детей. За мир, как это ни банально!

<http://www.sb.by/viewpoint/160714/>